

*Анатолій**Тринвальд*

ЗДЕСЬ БЫЛ ТОЛЯ...

ПЕСНИ ЩЕРБАТОГО АСФАЛЬТА

1

Всё досталось мне в этом мире:
 Скороговорка гнущихся деревьев,
 Вонзающих кривые ветви в воздух,
 Расчерченный на тысячи пространств
 Архитектурой пасмурных окраин,
 В чьих лабиринтах долго бродит крик
 Новорожденного, но не находит выход
 И затихает через двадцать тысяч дней
 На кладбище в дождливую погоду.

Изъезженные сомнениями глаза,
 Крадущие сентябрьские лучи
 Болеющего черной оспой солнца,
 Не задают вопросов, не клянутся,
 Но и не верят отражению напротив,
 Сто раз обманутые...

К вечеру сыреет.
 На город сыплются охапки хризантем,
 Что непривычно в этом регионе...
 Прохожие смеются. И удивляются. И недоумевают.
 И друг у друга спрашивают лица:
 «Что это – сон? А может, это мы
 Приснились сами все жестянщику-китайцу
 Из сказки о волшебном фонаре?»

2

Где мальчики воюют с голубями
 Я был. Я видел дерзость мышц тугих,
 И мне на шею лассо опускалось...



Стремились выдернуть меня из мира
 Окоченевшие коричневые пальцы,
 Не знавшие иного развлеченья,
 А может быть, не знавшие иной
 Возможности для самоутвержденья,
 Помимо разрезания лягушек...
 Ах, скольких Русь лишилася царевн!

Болотный запах. Песни комаров.
 В зрачке – звезда, подернутая тиной.
 Шум поездов.
 На шпалах навзничь – мальчик.
 Он из других. Смычком ведет по струнам
 Ожившей и летящей в небо скрипки.
 Корёжат воздух поезда, плюют мазутом
 На слишком детское для этих игр лицо,
 Но музыки его не заглушают.

3

Я из истории запомнил: боги смертны,
 Здесь, на земле, их так легко обидеть...
 Мне б только потянуть за эту нить
 И убедить себя, что не напрасно
 Людьюми выдумывались боги, а богами –
 С любовью или без нее, земные люди,
 Их волей обреченные на жизнь.

Я знаю тридцать три красивых буквы –
 И это все, что с жизнью нас венчает.
 Вся нежность сублимируется в звуки,
 Лежащие лениво мягким светом
 На целлулоиде глубоко-синих листьев,
 Украсивших гирляндами венков
 Незнаменитые, провинциальные могилы.

АКВАРЕЛЬ БЕЗ ЧЕТВЕРТИ ДВЕНАДЦАТЬ

Когда-нибудь и ты вернёшься в свой первый город,
 Будешь ходить по улицам, не узнавая людей и деревьев.
 Прочиستیшь пивом на лавочке в сквере горло,
 Закуришь сигарету с ментолом, хотя и вредно
 Курить на голодный желудок... а мимо
 Тебя будут торопить по важным делам прохожие,
 Но никто не остановится и не назовёт тебя по имени,
 А ты ощутишь, как под кожей
 Шевелится и набухает давнее с глазами девочки Лены,

Которой посвящали песни местные барды,
 (Теперь они спились), и уже новое поколение
 Оккупирует дискотеки и бары.
 Только птицы летают, как прежде летали, –
 Бесстрашно, высоко и неоспоримо...
 Сохранились ещё незначительные детали:
 Светофор на углу и в ларьке дешёвая «Прима».
 Да и сам город по-прежнему выкрашен в бурое,
 Всё лежит в степи потерянной тусклой брошью.
 И завод на окраине всеми трубами
 Пишет письма дымом на небе тебе из прошлого.

35 КВАРТАЛ ИЛИ ДВОЙКА ПО ФИЗИКЕ

Ещё, помню, в котёл играли,
 Выкапывалась ямка, и нужно было попасть в неё битой.
 Деньги на игру, как правило, крали
 Из маминых кошельков, – не бог весть какой убыток.
 Мне как-то не очень везло, выигрывали ребята постарше
 Себе на сигареты и на портвейн, там всякий «Агдам»...
 Я в те годы из крепких напитков пил разве что простоквашу –
 Замечаю, что испортился с годами.
 А тогда весенние лужи и всё такое,
 В воздухе серебряными стрижами мелькание свинцовых бит.
 Ни тебе заморочек, по поводу – «кто я?»,
 «Быть или не быть?»
 Попадаешь в ямку своей свинчаткой,
 И сердце уходит куда-то в спину, бьётся с тыла,
 Как в клетке синица, а на сетчатке
 Застыло в зените солнце. Навсегда застыло.

ЗАРИСОВКА НА КРАЮ САЛФЕТКИ

осенний воздух ключьями свисает
 пронзённый голыми ветвями палисада
 с небес где богородица святая
 иесуу вяжет шарфик полосатый
 идёт война но это там на юге
 а здесь лишь в шахматах свирепствует пехота
 да вечерами ищет пятый угол
 боксёр на ринге одурев от апперкотов
 а у пивной глазами росомахи
 глядит уныло как поверх голов
 вбивают журавли свой клин с размахом
 чахоточное небо расколов

наш участковый серик кенжибеков
застывший здесь с величием монумента
и иногда сквозь вату скудно блекло
сияет солнце стёртою монетой

ДИКАЯ СОБАКА ДИНГО

Пойдём на пляж, увидим голубей –
(Наверно, это повод удивиться) ...
И небо здесь бывает голубей,
Чем на компьютере заставка «Виндоус».
Пойдём на пляж, в панаме ты, а я
Твою ладонь сожму нетерпеливо...
Нам по пути весь смысл бытия
Откроется, как поллитровка с пивом.
Пойдём на пляж, ты в теле молодом
(Оно тебе подходит этим летом)...
Ты пьёшь коктейль с лимоном и со льдом...
А я в зелёных джинсах из вельвета...
Пойдём на пляж, поверим в эту ложь,
Там дом стоит, в котором жил Волошин...
Ты в море мелким брассом уплывёшь,
И никогда обратно не вернёшься.
Пойдём на пляж, там словно жёлуди
Туристы жарятся под солнцем алым...
Оно там выжжет на моей груди
Кириллицей твои инициалы.

* * *

Девочка, девочка, глаза влажные,
Мне бы упасть в вас, как в могилу,
чтоб навсегда быть только вашею
Вещью, девочка... мы с вами смогли бы
Погружаться друг в друга глубже и глубже,
Как киты в океаны? (ваши зарубки на теле)...
Девочка, девочка, вам в Алушту,
Мне же – в запой на неделю.
Девочка, девочка, (опера мыльная),
Пирсинг, лобок обритый...
Я же кажусь себе, милая,
Планетой, сошедшей с орбиты.
Я не при деле. Я в Вас не участвую,
(Уеду в Монголию, в Ливию)...
Девочка, девочка, будьте счастливы,
Будьте любимы, любимая.

ПАРК ИМЕНИ ГАЙДАРА

когда умрёшь остаётся ещё звук имени
 висеть на ниточках между стеклянных сфер
 но ты никогда не знал что тебе нужно именно
 ты никогда не хотел ничего сверх
 того что тебе положено и глоток чая
 чёрного как смола ударит в голову
 посмотреть из окна как деревья ветер качают
 на своих осенних руках морщинистых голых
 где та девочка в синем платье из него выросла
 уплыла на белом пароходе в америку и не встретимся
 свой стишок про неё из газетки районной вырезать
 отослать до востребования

* * *

Е. И.

Я обвенчаюсь в православном храме,
 И православный Бог меня спасет:
 Не от беды, так как-нибудь с похмелья.

Я встану в этом храме на колени
 Перед поддельной ляпистой иконой,
 И православный Бог меня спасёт:
 Не от беды, но даст немного денег –
 Я их пропью, но за его здоровье.

Я обвенчаюсь в православном храме
 С той девушкой, которую люблю,
 Лишь потому, что так она хотела.

Я встану перед Богом на колени
 И расскажу ему свои стихи,
 Лишь потому, что не учил молитвы.
 И православный Бог меня накажет,
 Но не со зла – для моего же блага.

Я обвенчаюсь в православном храме,
 Конечно, если ты того захочешь,
 А не захочешь – я тогда напьюсь.

А не захочешь, значит, так и надо.
 Я буду делать вид, что мне не больно,
 И обвенчаюсь в храме православном
 С какой-нибудь красивой проституткой,
 Конечно, если та того захочет.

Я обвенчаюсь в православном храме,
Наверное, что всё-таки с тобой,
Лишь потому, что Бог так, видно, хочет.

Поп за венчание возьмёт с нас по тарифу,
При случае отдаст те деньги Богу,
А Бог, при случае, раздаст свои долги.
Но мне он ничего, увы, не должен,
Как я – ему не должен. Ничего.

ЧЁРНАЯ КОШКА В ТЁМНОЙ КОМНАТЕ

Мы пили пиво, и я рассказывал тебе о Конфуции.
Я рассказывал: Конфуций сказал – очень тяжело
Искать чёрную кошку в тёмной комнате,
Особенно если её там нет.
После этого мы выключали свет,
В комнате становилось совсем темно,
Я целовал тебя так,
Что мой сосед не мог больше спать –
От твоих стонов.
И Ты целовала меня так,
Словно твои губы ждали только меня одного.
Так мы искали любовь –
Чёрную кошку в темной комнате,
Которой, быть может, там не было.

СВИДЕТЕЛЬ ИЕГОВЫ

почитай мне словарь Ожегова на сон
может мне тогда что-то присниться
у соседа справа звучит шансон
у соседки слева на клиторе пирсинг
пробегают волны по потолку
наклонив лицо и впадая в шепот
потолкуй со мной потолкуй
про мои 35 и еще про что-то
как-то быстро юность моя прошла
как короткий оргазм впопыхах в подъезде
и чего уж к всевышнему вопрошать
лучше сесть на трамвай и за водкой съездить
в остальном вроде вписываюсь в интерьер
пусть в окне острой саблей маячит месяц...
у соседа сверху лаает терьер
у соседки снизу задержка в месяц.

СОЛНЦЕ ДО ВОСТРЕБОВАНИЯ

в такие дни острее заметен голод
по прошлому что кончилось так рано
и осень накрывает этот город
как школьника косяк марихуаны
смотря ТВ опустошаешь тару
выкуриваешь за день по две пачки
сдают деревья карты тротуарам
и русский бог готов к медвежьей спячке
твой друг в Сибири (был бы он поближе)...
мешая спирт отчаяно с кока-колой
он тоже что-то там наверно пишет
заимствуя у Бродского глаголы
он пишет что ни власти ни короны
не хочет что вчера синиц с руки кормил
и что в углу висит старинная икона
как дверь отсюда в параллельный мир

ГДЕ РОЖДАЮТСЯ СНЫ, ИЛИ ПУНКТ ПРИЁМА СТЕКЛОТАРЫ

и я не более чем сосуд для водки
который вмещает в себя пол-литра
по математике в средней школе двойка
была плюс минус отсутствие чувства ритма
чтобы к примеру стучать на ударных
и никак не давалась гитара
чтобы в рубаше нарядной
с ней ходить по кварталу
вместо меня ходил Серый
пел из Цоя
про то что не нужно носить серое
и маршировать строем
он мне дал почитать Довлатова
и что-то ещё про Кришну
а сам повесился в 99
я так и не вернул ему эти книжки
помню последний наш разговор
он сетовал что не может найти струны Savarez
дышал беломором смотрел из окна во двор
и чефир по правильному заваривал
Серый Серый теперь ты вместе с Цоем
в раю зажигаешь про стакан портвейна
а здесь молодёжь под Блестящих танцует
и кислота вибрирует в их венах
рок-н-ролл попсою унижен

и теперь никто не ходит с гитарой по кварталу
Серый Серый скажи куда выслать струны и книжки
ведь тебе их так не хватает
ну а Бог восседая на троне своём капучино
всё пьёт например
и не слышит как ты в его ухо кричишь
перемен мы ждём перемен

* * *

Я б показал тебе дорогу, путник...
Но палец мой болит, он обморожен...
Ты ищешь бога... боже мой... так будь им...
Я был бы тоже... если б был моложе...
Ты хочешь истины? она проста, мой мальчик...
Вот в двух словах, коль не изменит память...
Представь: галера... шторм... кренится мачта...
А мы прикованы к галере той цепями...
Ты про любовь меня спросил, так слушай:
Ты никого любить всю жизнь не должен...
Любовь прекрасна, но гетеры лучше...
Разнообразнее, хотя и подороже...
В чём смысл жизни? Нет в ней, милый, смысла...
Ну разве что один – умри достойно...
А после что? Каким богам молился,
В тот ад и попадешь... проклятья... стоны...
А здесь... здесь правит кесарь... Иудея
Под ним, как девка (это между прочим)...
Нас превратили в быдло... Нет идеи...
И в Риме бог... жестокий и порочный...
Куда ни глянешь – рабские всё лица...
Иль римские железные когорты...
Что делать? А купи себе ослицу...
И поезжай на ней в ближайший город...

БРИТВА ОККАМА

предосень наступило предосенью
плачет город веточками ив
выезжают на пикник за город семьи
ветчиною рюкзаки забив
у вокзала гитарист играет соло
кажется что лишь для нас двоих
и запутался луч матового солнца
в волосах твоих
спросишь ты зачем так много грусти

в звуке перетянутой струны
 и в ответ наверно улыбнусь я
 прикурив с обратной стороны
 нанесу тату я на скамейке
 перочинным маленьким ножом
 «здесь был толя» и дрожа от смеха
 ты припишешь ниже – «автор жжёт»
 мы уйдём из парка торопливо
 сбросив в этот вечер пару лет
 и допьёт неспешно наше пиво
 бомж смотря задумчиво нам в след
 вспомнит он как тоже был любимым
 вспомнит платье пёстрое из ситца
 и собаку звали вроде бимом
 а её он называл синицей
 вспомнит он что это было лето
 что порвалась у неё колготка
 что когда-то также в парке этом
 он оставил пиво для кого-то

* * *

Мой Лейпциг беден. Ходит бедный Бах
 По Лейпцигу в заланной рубахе.
 Не знаменит. Гоним. Несчастлив в браке.
 Сшибает у туристов на табак.
 В подвале грязном Гёте пьёт «Кадарку».
 Заходит Фауст – сразу лезет в драку.
 Вбегает санитар с кресло-каталкой,
 Ремнями, как бантами на подарке,
 Завязывает Гёте и увозит
 В больницу на окраине. Там воздух
 Настолько чист, что ночью видно звёзды.
 Там добрый доктор с бородёнкой вострой –
 На Мефистофеля манерою похожий –
 Лезть в душу фразами, иголками – под кожу
 Приходит по ночам и корчит рожи.
 Там очень страшно. Тело долбит дрожью.
 Все формы там сливаются в одно
 Из зеркала глядящее пятно.

СЕМНАДЦАТЬ МГНОВЕНИЙ ВЕСНЫ

идёт июль день вроде как среда
 ползёт к логическому завершенью
 и окружающая нас среда

несовершенна
пройтись за пивом позвонить в москву
зависнуть над холстом вздыхая тяжко
не поддаётся всё никак мазку
пейзаж в окне моей пятиэтажки
нужна собака мне. собака-поводырь
и больше ничего собаки кроме
чтобы найти тебя в одной из чёрных дыр
навски спального микрорайона
идёт июль день вроде как среда
я прохожу но без собаки мимо церкви
за мной из окон бабушки следят
свои шифровки отправляют в центр

ЗАРИСОВКА НА КРАЮ САЛФЕТКИ 2

таблетка чтоб за тобой не следили
с похмелья плющит как монету под поездом
хорошо бы сходить в сауну или
в парк хотя в парк боязно
там негры наркоманы и собаки без намордников
алкоголики с тупыми забавами
шприцы на траве и девчонки модные
покупают у негров кокаин разбавленный
привет демократия я твой пасынок
ты носишь улыбку первой леди
а я коверкаю себя словами напрасными
в начале третьего тысячелетия
что кончается первым –
боль или слёзы
что цепляет сильнее –
гашиш или бах
и по образу и по подобию создан
я спускаюсь в кабак
здесь навряд ли что поменялось со времени блока
те же здесь разговоры ну в общем во что кто горазд
так же ищут в бутылке на дне посетители бога
только вот незнакомка знакома уже много раз
закажу себе чешского пива а может быть водки
краем уха услышу: реал – барселона – ничья
и по радио диктор расскажет военные сводки –
что ты тоже всё помнишь и даже сильнее чем я
ну а больше и нет новостей в этой плоскости брэнной
на окне стоит кактус и он здесь конкретно зачах...
и как будто судьбе, я китайцу бармену
заплачу по счетам и оставлю два евро на чай

КРЕСТОВЫЙ ПОХОД

Холод прозрачный, как водка в графине,
 Дай мне промолвить, чтоб слово моё не замёрзло,
 Дай мне его из гортани глиняной вынуть
 И отослать через крыши домов азбукой Морзе
 Или емэйлом... что ж на мели ты, Емеля
 Вот и мели мелом крошево по тротуарам,
 Вроде мы это неплохо с тобою когда-то умели,
 Сколько с тех пор пролилось по стаканам из тары.
 Стары мы стали, ломит в костях с непривычки,
 Сколько ни пей, а внутри не горит, не теплеет,
 Так, промелькнёт что-то, что сам торопишься вычерк-
 нуть из биографии памяти... снега белее
 Простынь, в которую падаешь пасмурным утром,
 И холоднее, чем снег, эта самая простынь;
 Что тебе снится? Египет? Москва? Кама-сутра? –
 Просто синица на тёплой ладони. Так просто
 Pall Mall с утра натошак и смириться с судьбою, –
 Мне всё равно, я не местный, я выпал давно из обоймы...
 Что же там было до этой зимы на обоях?
 Я ничего не забыл, но не помню. Не помню. Не помню.

* * *

Четвёртый день как осень прописалась
 В моём микрорайоне. Всё законно –
 Между асфальтом и сырыми небесами
 Листовою пахнет прелой и сожженной.

На бильярдный шар похоже солнце,
 Которое нырнёт под вечер в лузу.
 На улицах не перевёлся социум
 Подвыпивший, застенчивый и грустный –
 Хотя уже стемнело и опасно
 Гулять без пистолета и охраны.
 В квартирах в этот час народный пастырь
 О наших достижениях с экрана
 Вещает и, возможно, верит в это.
 А я иду туда бетонными полями,
 Где собираются путаны и поэты
 (Они взаимно так друг друга дополняют).

Мне там нальют вина, предложат пива
 (Там знают о моих пустых карманах).
 Я буду пить и слушать терпеливо
 Сонеты гениальных графоманов.

А после уже дома седуксена
Одну таблетку... при горящем свете,
Включив медитативную кассету,
Усну и не спрошу: «Зачем всё это?»

* * *

Так и запишем – светает,
Ночь уползает из города,
Но говорит «до свидания»...
Пасмурно, серо, холодно.
Так и запишем – не сбылось,
То, что должно было сбыться,
Утром пугает небритость
Зеркала.
Самоубиться
Вроде пока ещё рано,
Или уже слишком поздно
Пулей проделать рану
Сквозную... или под поезд...
Так и запишем – штрихует
Дождь в полнажима город.
Голос? Какого ..! –
Напополам расколот
Под топором дровосека
(На плаху пришёл добровольно).
Руки дрожащие... веки...
Так и запишем – больно.

НЕКУДА БЕЖАТЬ

У меня скверный почерк, потому не писал тебе писем...
Погода тоже не радует, в такие дожди приходится пить очень много,
Иначе – всё слишком похоже на жизнь... с другой стороны, допился,
Как видишь, до этого монолога.
В принципе, всё по-прежнему, без изменений:
Вымокший серый город, – полувеличественный, полуразрушенный...
Люди с испуганными глазами, ожидающие с неба знамений,
Только они забыли, что Бог внутри, не снаружи.
Я, знаешь, устал притворяться человеком, тем не менее
В этом что-то есть, особенно когда выкуриваешь с утра сигарету.
Иногда слышу, как стучит указательным пальцем по темени,
Отмеряя секунды, оставшееся мне время, но
Согреться не об кого, вот такое кино...
Выцветают краски на платьях красавиц, которых ты гладил...
Да и солнце уже не то, – можно смотреть, не щурясь, пока оно
Не погаснет первым от твоего взгляда.

ХРУСТАЛЬНЫЙ ОСТРОВ

Ни о чём связками. Золотая пыль
 В воздухе, как перхоть с головы солнца.
 Вчера было проще, вчера пил,
 Раз пять слушал «баньку» Высоцкого.
 Сегодня же тишина в комнате
 Висит на шелковой нитке, если что скажешь – шёпотом.
 Только изредка звуки с улицы тишину комкают...
 Жизнь – игра на ощупь, и куда ни пошёл бы ты,
 Всюду встретишь одно и то же лицо с чертами,
 Принадлежащими когда-то тебе самому, – так прошлое
 Старается корректировать реальность. Ни черта мы
 Не в силах изменить в системе координат, поросшей
 Поправками на судьбу. Когда-то казалось,
 Что жизнь навсегда для лета и с профиля богини на цепочке слепок...
 А теперь вымерзает за зиму сердце, и даже жалость
 К самому себе утратила цвет. Слепла.

РАЗГОВОР С МОЦАРТОМ

Плывут в толпе друг к другу лица,
 На Невском толчея, бардак,
 И лето, кажется, продлится
 До ядерной зимы. Бодра
 Июньская природа –
 Дуб держит небо,
 Как атлант,
 И при стечении народа
 Меняет на гроши талант
 Какой-то гитарист печально,
 У бочки с пивом – алкаши,
 И крики чаек на причале
 Вонзятся в воздух, как ножи.
 Наносишь ручкой, что стилетом
 Слова на вырванный листок.
 И длится лето, длится лето,
 Как рейс Москва – Владивосток.

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ

Чего-то захотелось мне, скажи,
 Чего мне надо, в этом параллаксе.
 Здесь жизнь идёт, как поезд товарняк.
 На то она по-прежнему и жизнь,
 На то на солнце пятна, словно кляксы,

На то и существует наверняка,
Чтоб мы не изнывали от простуды,
И пили водку из большой посуды.
Строители играют в домино,
И матерятся матом понарошку.
В Европе холодно. В Италии темно.
Власть делает из нас опять окрошку.
А что строителям? Им по ширинке всё,
Им лишь бы был раствор, кирпич, прорабы,
И после спирта пить томатный сок,
А там по бабам и пройтись пора бы.
Здесь правит не Христос и не Аллах,
А тот мужик остриженный и в робе.
И замечаешь ты, что в этих кварталах
Ты сокращён до бесконечной дроби.
Так оставляют на воде следы,
Нет страха пеплом стать иль перегномом.
Откроешь форточку, и ангел залетит,
А говорят, что болен паранойей.

ПИСЬМА МЁРТВОГО ЧЕЛОВЕКА

надев медаль «за помощь при оргазме»
из дома выйти чувствуя вину
за граждан что спешат в противогазах
на службу будто на войну
столкнуться с отраженьем в коридоре
с потенциальной пулей в виске...
нам скидку предоставит крематорий
за то что жили так же как и все
петляя в лабиринтах тесных улиц
сбивать со следа собственную тень...
блокада города немного затянулась –
нет свежих порнофильмов третий день
чтоб не попасть в расставленные сети
спускаешься по эскалатору в сабвей
фотограф всё снимает на кассету
кассету передаст он в фсб
мы проиграли время цирк уехал
менты а не шарманщик у ворот
и если крикнуть то вернётся эхо
в раскрытый перекошенный твой рот
свобода ты одна вот так умеешь
не попрощавшись не допив уйти...
я манекен не больше и не меньше
не трогайте мой ценник на груди

СОЛНЕЧНОЕ ЗАТМЕНИЕ

ноябрь снега нет и дождь не льёт
и в горле тоже не хватает влаги
соседка постирав своё бельё
его развешала как государственные флаги
её висков коснулась седина
она ни с кем и никому не верит
она давно уже разведена
она одна как пуля в револьвере
не отпечатается на моей подушке
её лица неправильный овал
и никогда ей не узнать – так будет лучше
что я её сейчас зарифмовал
и если в этом лучше разобраться
ей не узнать ни нынче ни потом
что мы давно уже лежим в могиле братской
раздавленные небом как катком

РОМАН БЕЗ ГЕРОЯ

Будет лето, конечно, будет
Много солнца, девушки в лёгких платьях,
Не отвергающие флирта, блуда...
Девушки с волосами цвета платины.
Я поеду на пляж, куплю по дороге пива,
Буду пить из горла за ресницы, колени
Незнакомок, которые терпеливо
Ждали этот июнь, и за зиму не околели.
А ещё я куплю себе этим летом сомбреро –
Пусть висит над кроватью – пить, есть не просит.
Проколю одно ухо, виски обрею
Не зачем-нибудь, а так просто.
И под тёплым дождём стоять на балконе буду,
Рукой облако трогать из шерсти овечьей...
Словно сам себе Магомет, Иисус и Будда...
И мне будет казаться, что лето вечно.
И мне будет казаться, что я незряшный,
Что на землю я с целью какой-то послан,
И забуду, что было со мною раньше,
И не вспомню, что будет со мною после.

